

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЦЕДЕНТНЫМ ФЕНОМЕНАМ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Татьяна Антоновна Ященко

доктор филологических наук, профессор кафедры
межъязыковых коммуникаций и журналистики
Таврическая академия
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Симферополь, Республика Крым
E-mail: t-yashchenko@yandex.ru

Обращение к прецедентным феноменам в практике обучения РКИ

Одно из современных направлений в преподавании русского языка инофонам ориентирует не только на соизучение языка и культуры, но и на постижение русского языка через явления русской культуры [2; 10; 11; 15].

В связи с этим представляется весьма **актуальным** расширение лингводидактических основ соизучения русского языка и культуры в иноязычной аудитории с учётом современных подходов к дискурсивному анализу текста. Дискурсивный анализ, с ориентацией на лингвокогнитивную парадигму исследования, достаточно полно и глубоко разработан в современной лингвистике (Т. Ван Дейк, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, А. Е. Кибрик, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, Ф. С. Бацевич, Л. Н. Синельникова, Н. В. Слухай и др.)

Для постижения инофонами «русского культурного пространства» актуализируется понятие прецедентного текста [5] и прецедентных феноменов (В. З. Демьянков, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко, И. С. Брилева и др.).

Новизна нашего исследования заключается в практической реализации на занятии по РКИ лингвокогнитивного анализа при изучении историко-культурологических и художественных текстов, а также «текстов» в широком понимании, включая такие феномены культуры, как фильм, театральная постановка, литературно-музыкальное произведение (в соответствии с трактовкой прецедентных текстов в трудах Ю. Н. Караулова).

Цель работы: представить методику выявления лингвокогнитивной информации в различных дискурсах. **Задачи** работы: 1) обосновать целесообразность использования лингвокогнитивного подхода к работе с текстом; 2) разработать методику представления когнитивной метафоры «Шапка Мономаха»; 3) раскрыть возможности использования прецедентных феноменов различных типов.

При написании данной статьи использован опыт преподавания учебного курса «История русской цивилизации и культуры» в 2008 г. бакалаврам Вилламетского университета (штат Орегон, США). Сам курс обычно базируется на базовом учебнике на русском языке с поурочными русско-английскими словариками [17]; в качестве дополнительного пособия предлагается сборник текстов по средневековой русской литературе в переводе на английский язык [14]. Вполне естественно, что преподаватель, носитель русского языка и культуры, расширяет рамки изучения программного материала.

Целесообразность лингвокогнитивного подхода к изучению курса определяется, на мой взгляд, самим материалом изучения – русскими текстами, представляющими синтез исследования различных антропологических наук (истории, этнографии, культурологии, психологии, политологии), при этом самостоятельным объектом изучения для иностранных студентов являются и различные типы русского дискурса, включая художественный.

Известно, что прецедентные феномены (ПФ) являются ядерными элементами когнитивной базы, то есть совокупности «знаний и представлений», необходимо обязательных для всех членов того или иного лингво-культурного сообщества [6 с. 113].

Впервые понятия прецедентности и прецедентного текста были представлены в работах Ю. Н. Караулова [5]. Ю. Н. Караулов называет прецедентными тексты (1) «актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане»; (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников (иначе говоря, всем представителям национального лингво-культурного сообщества). И, наконец, к прецедентным, по мнению Ю.Н. Караулова, относятся тексты, (3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в дискурсе данной языковой личности [5, с. 216].

Основным отличием прецедентных феноменов от прецедентов иных типов является то, что первые оказываются связанными с коллективными инвариантными представлениями

конкретных «культурных предметов», национально детерминированными, минимизированными представлениями последних.

ПФ могут быть как вербальными или вербализуемыми, так и невербальными и не поддающимися вербализации (произведения живописи, музыки, скульптуры, архитектуры и т. д.). К вербальным (имеющим словесное выражение) или поддающимся вербализации ПФ относятся следующие: прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентное имя (ПИ) и прецедентная ситуация (ПС).

Прецедентный текст (ПТ) понимается как законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, который хорошо знаком среднему члену национально-лингвокультурного сообщества и может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с ним прецедентные высказывания и прецедентные имена [6, с. 47-48]. В исследуемом нами материале к сфере ПТ относятся: текст А.С. Пушкина «Борис Годунов».

Прецедентное высказывание (ПВ) определяется как феномен собственно лингвистической природы, функционирующий как единица дискурса. ПВ в обязательном порядке неоднократно воспроизводится в речи и может быть представлено либо всем текстом-источником (небольшого объема), либо собственно-языковой единицей [6, с. 48-49]. В нашем материале анализируется ПВ – фраза Бориса Годунова «*Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!*», на основании которого развивается когнитивная метафора «Шапка Мономаха».

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, восходящее к прецедентному тексту или прецедентной ситуации (ПС) [6, с. 48]. ПИ – является Мономах, причем в значении ‘верховный правитель’.

Прецедентная ситуация (ПС) – «некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу» [6, с. 47]. ПС в нашем материале – это ритуал венчания на царство, то есть обретение высшей власти, которая вручается правителю духовным лицом от имени Всевышнего.

Сам термин *когнитивная метафора* употребляется как синоним термина *концептуальная метафора* (cognitive/conceptual metaphor). В современной лингвокогнитологии когнитивная метафора понимается как одна из форм концептуализации, как когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания; как способ осмысления «области-мишени» в терминах понятий «области-источника»; как понятие, отражаемое метафорическим образом (В.Н.Телия, Н.Д. Арутюнова, Э. Маккормак, Дж. Лакофф и др.). Языковая образность, рассматриваемая как лингвистическая категория, является неотъемлемой составляющей

языковой картины мира в целом и способом проявления отдельной языковой личности. Выбор для исследования указанного выше материала (*шапка Мономаха*) объясняется его глубокой «укорененностью» в русском языковом сознании и существенностью для адекватности понимания такой важной концепции курса русской цивилизации и культуры, как особенность восприятия и трактовки понятия «верховная власть».

Последовательность работы с материалом определяется как логикой самого изучаемого курса, так и механизмом формирования когнитивной модели и когнитивной метафоры. В современной лингвокогнитологии в достаточной мере обосновано положение том, что концептуальные структуры могут быть описаны с использованием когнитивных моделей, обладающих такими свойствами, как гештальтность, экологичность, образность представления внешнего мира. Весьма существенным для исследования является следующее положение, сформулированное Дж. Лакоффом: «теория когнитивных моделей включает то, что являлось правильным в традиционном взгляде на категоризацию, значение и аргументацию, считаясь в то же время с эмпирическими фактами в категоризации и представляя новое, более полное видение законов познания» [13, р. XV] (перевод с английского языка мой – Т.Я.).

Проведенный в результате исследования междискурсивный анализ функционирования метафоры *шапка Мономаха* как раз и позволяет выявить дополнительные эмпирические факты когнитивной категоризации.

В изучаемом курсе о шапке Мономаха говорится: 1) как об определённом артефакте; 2) как о символе царской власти в России от правления Ивана III до эпохи Петра Великого, когда на смену шапке Мономаха пришла императорская корона; 3) как об основе метафорического прецедентного высказывания *Ох, тяжела ты, шапка Мономаха*; 4) как о языковой единице, характерной для современного публицистического дискурса (последняя позиция является предметом отдельной публикации).

Студенты впервые встречают выражение «шапка Мономаха» при изучении правления Ивана III, который после женитьбы на племяннице византийского императора Софии Палеолог стал считать себя преемником греческих императоров и в торжественных случаях сидел на троне в короне, в так называемой «шапке Мономаха», которую он, по преданию, получил от византийского императора, Константина Мономаха 17. Однако номинация *Мономах* им уже известна по ранее пройденному материалу о государстве Киевская Русь, где, в разделе, посвящённом правлению князя Владимира Мономаха, говорится о важности его роли в укреплении государства, в международной политике, о его образованности и высоком моральном облике, приводится отрывок из его «поучения», с полным текстом которого в

переводе на английский язык студенты могут познакомиться в специальном сборнике текстов [14].

Показательно замечание, приводимое в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, свидетельствующее о возможности использования номинации *Мономах* и для обобщенного обозначения царской власти: «мономах, прозвание, приданное великому князю Владимиру; в народном языке изредка и поныне: государь, царь вообще» [4, с. 957].

Для дополнительного чтения можно предложить информацию о самом артефакте шапка Мономаха, который хранится в Оружейной палате, и материалы дискуссии о его происхождении (см. изображение 1).

Изображение 1

Далее, при изучении периода правления Ивана IV (Ивана Грозного), студентам предлагается просмотр фильма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» с субтитрами на английском языке, где очень выразительно представлен обряд венчания Ивана IV на царство.

Замечу попутно, что обращение к фильму С. Эйзенштейна особенно актуально и потому, что это один из немногих русских режиссёров, работы которого известны американскому студенчеству. Особое внимание при просмотре фильма акцентируется на кадрах, вначале демонстрирующих крупным планом роскошь и достоинство самой «шапки Мономаха» (см. изображение 2).

Изображение 2

а затем представляющих торжественное «увенчивание» архиепископом Новгородским Пименом молодого царя этой шапкой – короной «царя всея Руси» (см. изображение 3).

Изображение 3

Студенты обращают внимание, какая мгновенная перемена происходит в облике и речи молодого Ивана (в исполнении Николая Черкасова) после завершения обряда венчания на царство (см. изображение 4).

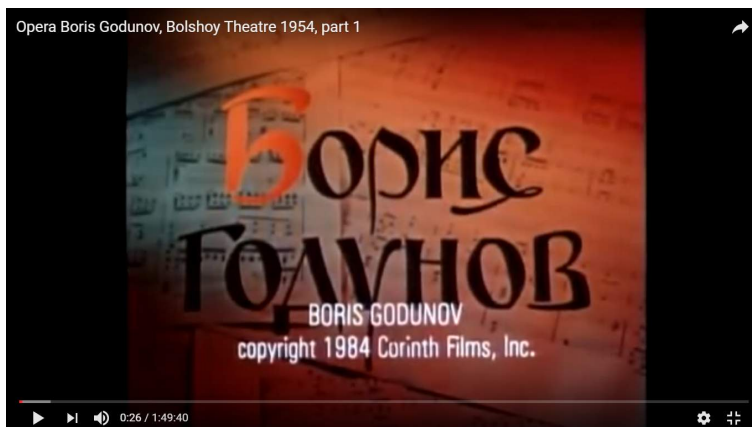
Изображение 4

Можно обратиться и к особенностям музыкального сопровождения этих кадров; музыка к фильму написана С. Прокофьевым (о когнитивных основах музыкальной коммуникации –

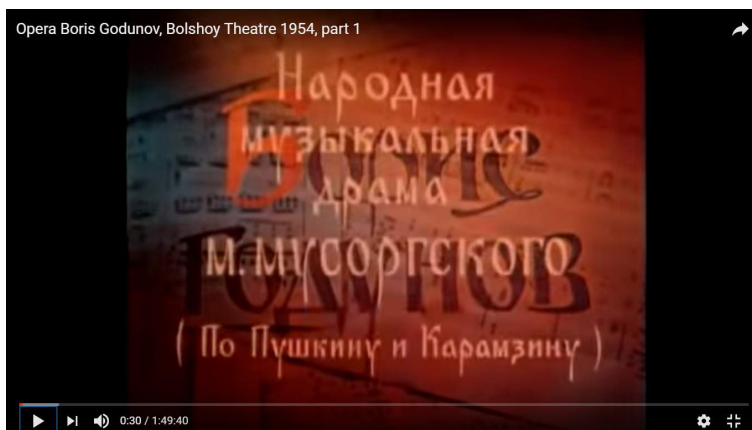
см. Работу Р. Джакендоффа [12, р.125-156]). Итак, посредством восприятия разного типа текстов, студенты усваивают символическое значение «шапки Мономаха» как артефакта.

Важно иметь в виду, что сам обряд коронации, как и представление о сакральности царской власти, являются чужими и чуждыми понятиями для американской культуры, и поэтому полезно показать важность его место в русской культуре.

При изучении периода «Смутного времени» (1584-1613 гг.) демонстрируются фрагменты фильма-оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов» в постановке Большого театра » (см. изображение 5, 6).

Изображение 5

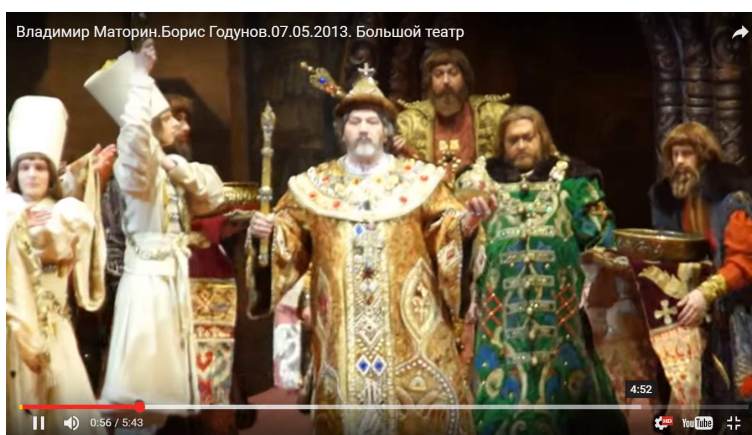
Изображение 6

Внимание студентов снова акцентируется на символике шапки Мономаха как царского венца при появлении Бориса Годунова на площади в Кремле после венчания на царство в Успенском соборе (действие I, сцена 1) (см. изображение 7).

Изображение 7. Опера М. Мусоргского «Борис Годунов» в постановке Большого театра в 1954 г.

Можно представить также эту сцену в постановке на сцене Большого театра в 2013 году (см. изображение 8).

Изображение 8. Опера М. Мусоргского «Борис Годунов» в постановке Большого театра в 2013 г.

Представляет также интерес внимание к этой опере в Италии, примером чего является постановка «Бориса Годунова» Андронимом Кончаловским в Турине 2010 году (см. изображение 9).

Изображение 9. Опера «Борис Годунов» на сцене театра Реджио (Турин, Италия, 2010).

При изучении этого же периода, уместно познакомить студентов с фразеологическим выражением «тяжела ты, шапка Мономаха», тем более, что в качестве дополнительного материала им предлагается чтение фрагментов драмы А.С.Пушкина «Борис Годунов» (при недостаточном уровне владения русским языком возможно обращение к переводу на английский язык) [16].

Источником precedentного выражения о «тяжести» шапки Мономаха является монолог царя из сцены «царские палаты» драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов». После сообщения Шуйского о том, что «в Кракове явился самозванец», называющий себя царевичем Дмитрием, Годунов, оставшись один, произносит монолог: «*ух, тяжело!... дай дух переведу...*», который и заканчивается фразой: «*так решено: не окажу я страха, – но презирать не должно ничего... ох, тяжела ты, шапка Мономаха*» [7, с.268]. Кроме того, на отдельном листке рукописи Пушкина сохранился монолог Самозванца, который предполагалось включить после сцены у монастырской ограды (сцена отсутствует в опубликованном тексте): (...)*Беда тебе, Борис лукавый! Царевич тению кровавой войдёт со мной в твой светлый дом. беда тебе! Главы преступной ты не спасёшь ни покаяньем, ни мономаховым венцом* [7, с.568].

Именно на материале пушкинского текста прослеживается процесс метафоризации выражения *шапка Мономаха*, когда основная семантика ‘символ царской власти’ осложняется дополнительной семой ‘бремя власти’. Приведенный монолог Самозванца дополняет семантическое содержание выражения *мономахов венец* семой ‘высшая власть как самозащита’. Обращение к переводу пушкинского текста на английский язык показывает, что выражение *шапка Мономаха* как метафора, отмеченная, безусловно, национальным своеобразием и заключающая богатое лингвокультурологическое содержание, переводится как *crown of monomach* (корона Мономаха):

So i am fast resolved; i'll show no sign of fear, but let no trifle be ignored. Ah, heavy art thou, crown of monomach! [16, p.370] перевод на английский язык – Альфред Хейз (Alfred Hayes).

Естественно, что *корона* как метафорический образ монархической власти обладает большей универсальностью. Показательно, что при обсуждении на форуме интернета семантики выражения *шапка Мономаха* (‘власть, груз ответственности политического деятеля’) и возможности его перевода на английский язык один из участников приводит по семантической аналогии цитату из драмы В. Шекспира «Король Генрих 4» (акт 3, сцена 1): *uneasy lies the head that wears a crown* и перевод Бориса Пастернака: *но нет покоя голове в венце* (<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx>).

Таким образом, можно говорить, что при анализе метафоры *шапка Мономаха*, как и при анализе понятийного содержания концептов, сочетаются два варианта сигнификативного подхода: 1) лингво-энциклопедический; 2) лингво-мифопоэтический [8].

Для лингводидактических исследований существенной является проблема, в какой степени языковое значение зависит от познавательного и культурного опыта человека. Для когнитивистов, в отличие от структуралистов, значение слова по самой своей сути является энциклопедическим. Необходимой для характеристики значения слова признается фоновая информация, под которой понимается структура общепринятых культурных знаний. По определению Н. Н. Болдырева, «значения слов соотносимы с определенными когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание [1, с.103]. Очевидно, что именно такое понимание языкового значения соответствует современной установке лингводидактики на соизучение языка и культуры, когда изучение языка базируется на таких определениях феномена культуры, которые выделяют аспекты, существенные для её взаимодействия с языком. См., например, дефиницию культуры в работе В. Н. Телия: «это та часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически, видоизменяющаяся в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека» [9, с. 18].

Исследованный материал подтвердил важность концепции культурной трансляции, в соответствии с которой культурные знания, воплощенные в текстах разных типов, транслируются из поколения в поколение и откладываются в языковые и концептуальные картины мира (В. Н. Телия, В. И. Постовалова, Н. В. Слухай, В. А. Маслова и др.). Идея культурной трансляции, связываемая с идеей культурной воспроизводимости, ни в коей мере не противоречит возможности трансформации и модификации культурных знаний, что отражается на языковом уровне в «семантических сдвигах» и изменении коннотаций образных средств языка. Проанализированный материал позволил проследить также изменения и на материале когнитивной метафоры *шапка Мономаха*.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

– Для преподавания курса «История русской цивилизации и культуры» представляется весьма целесообразным и перспективным лингвокогнитивный подход к анализу дискурсов разных типов;

– Изучение истории развития и особенностей функционирования когнитивной метафоры позволяет выявить особенности национального языкового сознания;

– Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов и изложенной методики работы в практике преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

Автор выражает благодарность С. С. Дикаревой за идею мультимедийного сопровождения доклада.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской фразеологии. – Тамбов: ТГУ, 2001. • 123с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
4. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: 4 т. Т.IV - М.: Русский язык, 1980. -1088с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / Виктория Владимировна Красных. – М.: ИТДГК Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Пушкин А. С. Борис Годунов// ПСС, т.5 -м.: АН СССР, 1957. -с.217 – 328.
8. Слухай Н. В. Основные направления осмысления культурно-языкового феномена «концепт» в современной русистике // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт–Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сб. Докладов: в 2т. Т.1. –СПб.: Политехника, 2003. – с. 290 -298.
9. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. - М.: Языки русской культуры, 1999. -с. 13-24
10. Шаклеин В. М. Историческая лингвокультурология текста: монография. – М. : РУДН, 2012. – 632 с.
11. Шаклеин В. М. Лингвокультурология. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Монография. - Сан-Франциско (Калифорния): В&М Publishing, 2013. 198 с.
12. Jackendoff R. Languages of the Mind, essays of mental representation. -Massachusetts institute of technology, 1999. -200 p.
13. Lakoff G. Women, Fire, And Dangerous Things. What Categories Reveal About The Mind. - The University Of Chicago Press; Chicago, London, 1990. -624 p.
14. Medieval Russia's Epics, Chronicles, And Tales. Edited, Translated, and with Introduction By Serge A. Zenkovsky. Vanderbilt University. - E.P. Dutton, New York, 1974. -526 p.
15. Shaklein V.M. Cultural Linguistics: Past. Present. Future: monograph, В&М Publishing, San Francisco, California. 198 pp. // Лингвокультурология. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Монография. - Сан-Франциско (Калифорния): В&М Publishing, 2013. 198 с.
16. The Poems, Prose, And Plays Of Alexander Pushkin. -Selected and Edited, with an Introduction By Avrahm Yarmolinsky. -The Modern Library, New York. -333-411 p.
17. Vasys A., Crypton C., Jswolsky H., Jaskin G. Russian Area Reader. -National Textbook Company, a Division of NTC Publishing Group. -Lincolnwood, Illinois, USA, 1996. -484 p.